

ПЛАСТИЛИН

Димосфен хорошо лепил из пластилина. И даже получил первый приз на школьном конкурсе поделок, когда учился в пятом классе. Среди желудёвых человечков и прочей лабуды его стремительно рассекающий пространство гаишник на милицейском «Урале» выделялся динамичным исполнением и реализмом. Разбирающийся человек даже звание наездника мог определить по лычкам на погонах. Но мне в ту пору лепка из пластилина казалась занятием несерьёзным. Как можно что-нибудь ваять из пластилина? Ладно там – гранит, мрамор. Мрамор, правда, сильно страдает от кислотных дождей, превращаясь в обыкновенный гипс, но у него всё же долгая жизнь, а гранит так и, вообще, – на тысячелетия. Пластилин же... Ну что такое пластилин? Сжал в кулаке посильнее – и конец произведению искусства, хоть бы и талантливому. Даже глина, и та лучше. Хотя бы после обжига это нечто твёрдое. В общем, тогда, в пятом классе, Димосфеновское увлечение казалось мне каким-то даже девчачьим. Вот выпилить из дерева пистолет парабеллум – другое дело. Серёжа Доценко однажды принёс пистолет с тщательно вырезанными подробнейшими деталями: предохранитель, прицел, мушка – всё по-настоящему. Говорил, что сделал его сам, ну, немножко помогал дедушка. Ни у кого, конечно, не было сомнений: Доценко и рукоятку для молотка не мог ровно обстрогать на уроке труда, какие уж тут предохранители. И всё же было немного завидно: такие деды тоже ведь не у всех. А если Димосфен приносил в класс свои скульптурные ансамбли, то ахала и охала только наша классная, хоть он и не входил в число её любимчиков. Ах, как тонко! Ах, как филигранно! Мальчишек такое искусство не трогало – потому что пластилин. А девчонок тоже не трогало, потому что Димосфен лепил всё больше разную технику: танки, трактора, самосвалы. Девочки в этом возрасте больше любят принцесс, это чуть позже они переключаются – сначала на собачек и кошечек, потом на артистов кино и, наконец, в кульминационной фазе юности – на мальчиков. После чего наступает общий спад, если только не появляются дети. Но Димосфен и в кульминационной фазе не был избалован вниманием одноклассниц. Во-первых, он был тощ и мал ростом. Впрочем, нет, это во-вторых. А, во-первых, ему нравились крупные рано созревшие девочки выраженного славянского типа, с обильной плотью. Для «узкоплёчного» шибздика это было уже нахальством. Так ему и объяснила соседка по парте Таня, когда лет в четырнадцать Димосфен зачастил на вечерние прогулки с биноклем под её окнами. Благо жила она на втором этаже и шторы задёргивать не любила, так что любопытные прохожие могли беспрепятственно наблюдать во всех подробностях, как Таня целуется взапрос с не так давно демобилизованным из пограничных войск соседом по лестничной площадке. Наш юный вуайерист некоторое время оставался незамеченным, но в какой-то момент пограничник его засёк. Он даже хотел спуститься к Димосфену для оказания мер физического воздействия, но соседка по парте не желала кровопролития. Она только вышла на балкон и насмешливо выкрикнула несколько фраз – в том смысле, что только косоглазых воздыхателей ей не хватало для полного счастья, и что лишь глупцы пытаются пилить дерево не по себе. В свете взросления фраза насчёт «пилить» заиграла новыми красками, но это было уже позже. Я не помню, чтобы мы оценили её двусмысленность, когда Димосфен рассказывал нам с Мишкой о своей обиде. Нет,

тогда мы просто дружески посоветовали ему оставить эту дуру в покое и, прихвативши бинокль, отправиться вместе с нами к летнему кинотеатру, чтобы бесплатно смотреть с близстоящего дерева французскую комедию «Фантомас разбушевался». Кстати, я думаю, что пара колотушек, заработанных в честном бою, не имели бы для души Димосфена никаких ощутимых последствий, в отличие от, казалось бы, относительно безобидных насмешек – если, конечно, позволительно так выразиться для человека, не верящего в существование душ. После Таниных издёвок Димосфен заметно потускнел и, пожалуй, навсегда стал ещё более застенчивым, чем раньше. Возможно, это спровоцировало дальнейшую череду его безответных любовей, хотя такое предположение, как и всё, что высказывается в сослагательном наклонении, недоказуемо. В довершение неудачного ухаживания Таня на следующий же день выдворила его из-за парты. Изгнание происходило в чисто физическом смысле. Будучи в иной весовой категории, Димосфен был после недолгого сопротивления вытолкнут в проход между рядами. Следом отправилась его сумка, которая на тот момент оказалась раскрытой. Из неё хлынули и запрыгали по дальним углам разные канцелярские предметы – ручки, карандаши, фломастеры, до которых артистичный Димосфен был большой охотник. Лишь немногие начали помогать Димосфену в поисках раскатившегося имущества, большинство предпочло наблюдать за происшествием со стороны. Пока, сопровождаемый весёлым оживлением одноклассников, он ползал по полу, собирая своё добро, пришла историчка Мирра Семёновна и начала истошно вопить, что девятый «Б» опять срывает ей урок. Это предвещало новое развлечение – то, что Мирра Семёновна не дружит с головой, ни для кого секретом не было. Месяц назад, на уроке накануне восьмого марта у «ашников», она как села сразу после звонка за учительский стол, так и просидела там, неподвижно глядя в окно и не говоря ни слова, почти все сорок пять минут. Класс сначала привычно бесился, однако постепенно Миррино скорбное молчание проникло в сознание даже самых буйных, заставив их заткнуться и присмиреть, под конец же возникла атмосфера настоящей жути, не хуже чем в фильме «Вий». Развязка оказалась ошеломительно простой: оказывается, историчка обиделась на то, что «ашники», буднично поздравив её с женским днём, не принесли ничего в подарок. Нервными движениями вытаскивая из тумбы стола всё новые и новые свидетельства ученической почтительности и любви и поднимая их высоко над головой, Мирра не без гордости перечисляла: пятый «А», десятый «В», восьмой «А». Затем звенящим голосом объявила, что плохие дети не заслуживают ни малейшей снисходительности, в отличие от хороших – те-то небезосновательно рассчитывают на ответное добро. В журнале появился вертикальный ряд выписанных неровным почерком крупных единиц, причём, та же участь постигла даже болеющих и прогуливающих. Самым фирменным трюком Мирры была привычка, сидя за учительским столом, отстёгивать от пояса чулки. Потом, расхаживая в проходах между рядами, она вдруг громко ахала, обнаружив, что чулки давно собрались в складчатые валики на щиколотках, резко отбежала к задним партам и приводила себя в порядок, высоко поднимая юбку. Первоначальное впечатление, бесспорно, захватывало дух, но от многочисленных повторений эта сцена потеряла остроту и уже не вызывала оторопь. Как бы то ни было, класс замер в предвкушении скандала, и Мирра, конечно же, не разочаровала.

--Пак, ты долго собираешься ползать под партами? Или ты решил там навсегда поселиться? Сию же минуту садись на своё место!

--У него карандаши рассыпались, - робко возразила Наташа Снегова.

--Ничего, соберёт после урока, - парировал Мирра. – Быстро на место!

Димосфен встал с пола, но направился ко мне – я сидел один за третьей партой третьего ряда.

--Ты куда это? Иди сядь рядом с Таней Кирюхиной.

--Не сяду, - угрюмо возразил Димосфен.

--Пак, я не буду десять раз повторять! Если не хочешь подчиняться, выходи вон из класса.

--Не выйду, - всё так же угрюмо, но непреклонно заявил Димосфен.

--Выйди вон! – окончательно взбеленилась Мирра. – Выйди вон, выйди вон, выйди вон!

Уж не знаю, почему мне взбрело в голову заступиться за Димосфена. В конце концов, Мирра Семёновна была довольно безобидной тёткой, просто немного чокнутой.

--Может, хватит кричать? - вставил я свою реплику во время краткой паузы, пока она переводила дух.

--Кто сказал? – отреагировала Мирра, цепко вглядываясь в лица моих одноклассников. Некоторые потупляли взор, тогда как другие, наоборот, смотрели ей в глаза с выражением обезоруживающей преданности.

--Ну я сказал, и что?

--А, это ты, Кондратьев? Теперь ты у меня не скоро свою двойку исправишь.

Мирра и в самом деле накануне вклеила мне двойку за то, что я не помнил, в каком году была Парижская коммуна.

--Оба выйдите вон. И пусть ваши родители завтра с утра зайдут к директору.

История была последним уроком, на улице стоял тёплый весенний день, так что мы с Димосфеном прямиком отправились в соседний парк играть в настольный теннис под сенью свежей листвы – там был такой закуток с киоском, где в тёплое время года выдавался напрокат инвентарь, а монолитные и всепогодные столы даже на зиму не убирались. Если вы предполагаете, что с этого дня мы с Димосфеном стали закадычными друзьями, то это не совсем верно. Я играл в теннис плохо, но он - ещё хуже, так что, хотя чаши весов клонились то в одну то другую сторону, в итоге я его всё-таки надрал. От движения и от досады Димосфен покраснелся. Мне всегда было странно, что он может так сильно краснеть при общей смуглости кожи. Именно тогда, кстати, он и стал Димосфеном, а до этого был просто Димой. Насчёт происшествия на уроке истории мы с ним не говорили, на признательность я вовсе не рассчитывал - да ведь и не из-за него меня выгнали, я вписался по собственному почину. Но всё же Димосфен меня удивил своей реакцией на проигрыш, когда сказал, что ему просто ракетку выдали плохую, иначе он бы мне показал, где раки зимуют. Да ещё и обратился ко мне издевательски во время этой тирады - не Никита, как меня на самом деле зовут, а Никитос, с ударением на о. Я, понятное дело, его сразу же отбрил, отослав к поговорке о плохих танцорах и в отместку назвав Димосфеном. Так что

расстались мы в тот день не слишком сердечно. Особых последствий конфликт с Миррой для нас не имел, вероятно, потому что о её странностях школьное начальство было хорошо осведомлено и даже наверняка лелеяло мечту от неё избавиться, но это было не так-то просто без соответствующих медицинских свидетельств. Во всяком случае, моя мама, вернувшись из школы, ничуть не ругалась, а, напротив, высказалась в том смысле, что Дима Пак, кажется, хороший мальчик. Не под воздействием маминых слов, а как-то спонтанно я и Мишка вскоре действительно ближе сошлись с Димосфеном, хотя и не совсем на равных. С Мишкой мы дружили ещё с четвёртого класса, а Димосфен и раньше к нам тянулся, и, в общем-то, мы его не чурались. Но теперь он стал чем-то вроде младшего партнёра в триумvirате, впрочем, это не значило, что сам Димосфен признавал за собой какую-то подчинённость. Он всегда был задирист - не в смысле подраться, а в смысле всегда и по любому поводу заявить о своей особой позиции. Он был, если можно так сказать, подлинным последователем Декарта, то есть подвергал сомнению всё, что высказывалось мной или Мишкой, причём, не отрицая, а именно ставя под вопрос достоверность утверждения. Фразы «Где доказательства?» и «Откуда ты знаешь?» были у него дежурными. Почему-то к другим людям Димосфен был намного терпимее, но нас с Мишкой нередко раздражал своим недоверием, особенно высказанным по какому-нибудь ничтожному поводу. Впрочем, в возникающих спорах он гораздо чаще бывал бит, чем выходил победителем. Даже с моим прозвищем у него ничего не вышло. Хотя он отныне регулярно называл меня Никитосом, этот его почин так никто и не подхватил, а стоило мне несколько раз назвать его в школе Димосфеном, как прозвище к нему навечно приклеилось. Несмотря на недоверие к высказываемым нами суждениям, он относился ко мне с Мишкой как к друзьям и всегда был готов прийти на помощь. Да и все окружающие молчаливо считали нас друзьями. В ту пору мы довольно много времени проводили вместе, и тогда же я начал бывать у Димосфена дома. Оказалось, что он так и не вырос из своего пластилинового увлечения, на полках в его комнате стояло множество фигурок. Правда, поменялась направленность. Появились девушки в пёстрых платьицах, Сюзи Кватро с гитарой и даже парная статуэтка – обнимающийся с возлюбленной морячок в клёшах и тельняшке, то ли перед уходом в море, то ли после благополучного возвращения. Между прочим, единственное, в чём Димосфен безоговорочно доверял нам с Мишкой, так это в вопросах, касающихся романтических отношений – не оттого что мы были какими-нибудь донжуанами, а оттого что он остро ощущал собственную неуверенность и робость, а других конфиденентов у него просто не было. Впрочем, он был сдержан, стараясь не выболтать ничего слишком личного, да и мы в качестве доверенных лиц вовсе не были подарком, потому что его неудачные влюблённости в дальнейшем служили источником бесконечных шуток и подковырок, которые были тем приятнее, чем более бурно он на них реагировал. Этим, возможно, объяснялось, почему в разговорах Димосфен куда охотнее касался теории, нежели практики. Помнится, на каникулах после четвёртого курса института он вдруг канул неизвестно куда: и сам не звонил, и на звонки не отвечал. Его мама Зоя Васильевна брала трубку и односложно произносила, что он куда-то вышел, и не нужно ли чего передать. Так продолжалось дней десять, пока Мишка не столкнулся с ним случайно на улице. Димосфен был не один - его сопровождала или, скорее, он сопровождал молодую особу, вертлявую и явно скучающую брюнетку, которая стреляла по сторонам глазами и, казалось, была гораздо больше рада встрече с Мишкой, чем наш друг. Мишка в тот же день примчался ко мне - с тем, чтобы совершить набег на стан Димосфена и выяснить, что с ним происходит.

--Вот увидишь, - сказал я, - он разозлится.

--Ну не выгонит же он нас из дома, - возразил Мишка.

И мы пошли.

Всё оказалось прозаичнее, но в то же время и смешнее, чем мы предполагали – просто к Зое Васильевне после двадцати с лишним лет разлуки приехала на весь отпуск из Волгограда её подруга по институту, да не одна, а вместе с дочерью. Квартирка у Паков была небольшая, и девушке, после некоторых колебаний, предложили кровать Димосфена, а самого его разместили в той же комнате на раскладушке. От пространственной близости и от девичьих запахов наш друг совсем потерял голову, этим, видимо, объяснялся и его отход от обычного стереотипа. Галя – так звали девушку – ничуть не напоминала собой величавых светло-русых красавиц, в которых он влюблялся до сих пор. Но, может, как раз оттого, что Галя с первого взгляда казалась такой пацанистой и развязной, Димосфен и набрался наглости, позволив себе нечто большее, чем дистанционное обожание, о чём он, краснея, потев и запинаясь, намекнул нам с Мишкой, как только мы остались одни.

--Ни фига себе! – восхитился Мишка – Ну ты даёшь, старик, не ожидал от тебя такой прыти.

Впрочем, аванс оказался преждевременным, а история малосодержательной. У Паков в прихожей стояло два велосипеда, но когда Димосфен предложил Гале небольшую прогулку по окрестностям, оказалось, что в последний раз она ездила на трёхколёсном варианте детского «Ветерка» ещё в пятилетнем возрасте. Это открыло прекрасную перспективу персонального обучения с элементами эротики. Например, помощь в выравнивании руля, когда Димосфен держался за девичье запястье, полуобъятия во время предохранения от возможных падений, наконец, восхитительные пробежки с боковой поддержкой седла под тяжестью Галиного зада – впрочем, не будем преувеличивать, не такой уж большой тяжестью. Этим, собственно, Димосфеновы достижения исчерпывались, не считая ещё трёх-четырёх якобы случайных прикосновений к Галиной груди в процессе подсаживания – всё во имя безопасной езды.

От нашего внимания не укрылась ни нервозность Димосфена, ни то обстоятельство, что он сразу провёл нас к себе в комнату, хотя раньше мы всегда обменивались несколькими вежливыми фразами с Зоей Васильевной. Более того, Димосфен ощутимо напрягся, когда в коридоре послышались лёгкие шаги босых ног. Но ни остановить Галю, ни захлопнуть у неё перед носом дверь он, разумеется, не мог. Пришлось представлять её – только мне, поскольку Мишку она сразу же назвала по имени, строила ему глазки и громко смеялась в ответ на его остроты – словом, вела себя с ним как со старым приятелем.

Когда мы с Мишкой спускались по лестнице, он предложил на завтра прийти опять и, вообще, приударить за этой, как он выразился, нимфой, – не всерьёз, а просто в шутку, чтобы позабавиться и одновременно ревностью спровоцировать Димосфена на решительные действия. Но я не одобрил этого плана. Прежде всего, это было бы слишком глупо и жестоко, независимо от благородства намерений. Так я сказал Мишке. Но ещё и взгляды, которые Галя бросала на Мишку, заставляли усомниться, что дело

закончится шутками, хотя эту часть своих соображений я не стал оглашать. Согласившись с моими доводами и немного помолчав, Мишка добавил философское умозаключение к нашему разговору:

--Не понимаю я, что этим девкам нужно! Ведь Димосфен во многих отношениях лучше нас – ну, если не вообще лучше, то хотя бы для них. Он честней, благородней, серьёзней, преданней. Он готов эту девчонку на руках носить, а ни ты, ни я на это не способны. Почему же ему никак не везёт? Видно, чтобы заставить кого-то другого ценить тебя, нужно прежде самому быть хотя бы немного эгоистом и научиться ценить самого себя – а Димосфен слишком уж угодлив, слишком великодушен.

Я мысленно согласился с Мишкиными словами и даже развил его мысль, анализируя собственные мотивы. Возможно, подумал я, Мишкина затея не показалась бы мне такой глупой, если бы Галя строила глазки мне, а не ему. Да и по поводу эгоизма добавил несколько соображений, потому что, при всей своей привязанности к Мишке, я хорошо знал, что участие в других людях у него обычно заканчивалось, как только затрагивались его собственные интересы. Вслух же я предложил нейтральный вариант:

--А давай я соберу нас всех у себя, хотя бы в ближайшую субботу? Если он захочет прийти, то придёт - либо один, либо вместе с нею. А не захочет – придумает повод отказаться.

Он и в самом деле отказался, сберегая свою гостью для себя, но из этого всё равно ничего не вышло. Ещё через две недели Галя уехала к себе в Волгоград, взяв с Димосфена обещание писать, но он сразу объявил нам, что писать не будет - за два дня до отъезда между ними произошло объяснение, которое Галя начала такими словами:

--Ты знаешь, ты очень хороший...

Лишь ещё один раз после того у нас зашёл разговор о Гале, уже на ноябрьские праздники, после приличного возлияния - то есть, после двух-трёх рюмок водки, потому что Димосфен вообще был слаб на алкоголь - тогда он, раскрасневшись и жестикулируя, рассказал нам, что стоически ответил молчанием на два её письма.

--А ведь я её очень любил, - дрожащим от волнения голосом выдавил из себя Димосфен, и, зная его, можно было не сомневаться, что такое признание далось ему непросто, - и в какой-то момент был уверен, что у нас всё получится. Наверное, я просто слишком торопил события... Но ведь она уезжала... А вообще-то... Она же перестала меня дичиться... Я всегда держал её за руку, когда мы гуляли. Она мне даже свои волосы позволяла расчёсывать...

Может быть, он бы ещё что-нибудь рассказал, но в этот момент циничный Мишка решил уточнить, где именно.

Время текло, после института наши пути разошлись, встречались мы всё реже. Потом Мишка познакомился на курорте с девушкой из Новгорода, женился и уехал. Я тоже вскоре женился и ушёл с головой в жизненную рутину, но всё-таки иногда виделся с Димосфеном. В то время он был одинок, печален и подавлен, особенно после смерти Зои Васильевны. Его отец, тихий молчаливый человек, умер за год до матери, но

кончину отца Димосфен перенёс легче. Дело в том, что в своё время Димосфен мечтал о работе автомобильного дизайнера, готовясь поступать в столичный институт. При его способностях он, вероятнее всего, легко поступил бы, выучился и – кто знает? – либо был бы доволен своей работой, либо сам пришёл бы к выводу о бесплодности подростковых грёз. Но практичная Зоя Васильевна была убеждена, что дизайнер – «не мужская специальность». По её настоянию Димосфен окончил строительный факультет и теперь служил прорабом. Пока он учился, всё казалось приемлемым, но теперь, при всей предполагаемой мужественности его специальности, Димосфен ненавидел свою работу, тяготился ею и всё чаще упрекал мать. Усугубляло ситуацию то, что Зоя Васильевна в последние годы много болела и настаивала, чтобы и в будни по вечерам, и в выходные Димосфен безотлучно находился при ней. Это провоцировало новые ссоры. Вернувшись домой после одной из ссор, Димосфен нашёл мать мёртвой. Он плакал, рассказывая мне, что Зоя Васильевна плохо себя чувствовала в тот день и умоляла его не уходить из дома. Вина – он был убеждён, что виноват в смерти матери – легла на его плечи дополнительной тяжестью. И только в один краткий период он снова выглядел счастливым, охотно и широко улыбался, отчего на его щеках образовывались ямочки – как когда-то давно, ещё в школе. Это было в безумные годы Горбачёвской перестройки. Димосфен нашёл в себе мужество бросить специальность, под залог квартиры занял денег и приобрёл комиссионный магазин, перейдя в разряд новоявленных предпринимателей. По делам магазина ему необходимо было поехать в Таллин, и там, в ресторане гостиницы, он познакомился с Астой, которая стала его первой и, кажется, последней женщиной. Аста представилась учительницей из Пярну, которая приехала в Таллин на какой-то слёт. К исходу второго дня знакомства Аста осталась на ночь в комнате Димосфена, а уже на четвёртый день он предложил ей выйти за него замуж. Аста горячо согласилась, но просила не спешить, ведь у неё очень строгие и консервативные родители, которые вряд ли благосклонно отнесутся к решению выйти за человека с, мягко говоря, не совсем европейской внешностью. За те несколько дней, что Димосфен и Аста прожили вместе в отеле, сначала в соседних номерах, а потом, после вспыхнувшей между ними бурной страсти, в номере Димосфена, они распланировали жизнь на ближайшие несколько месяцев. Я помню, как мы с Димосфеном сидели на открытой веранде кафе, и он, перебирая в руках фотографии, гордо и восторженно рассказывал мне об Асте – какая она нежная, умная, открытая, и как они любят друг друга. Он прилетал к ней на встречу в Таллин ещё два раза – в последний раз со значительной суммой денег, предназначенных для свадебных торжеств и последующего путешествия на время медового месяца. Димосфен предлагал приехать прямо в Пярну, но Аста утверждала, что это будет не очень удобно: останавливаться в гостинице, в двух шагах от жилья невесты, нет смысла, а приезжать прямо в дом родителей – бестактно. Кроме того, она настаивала на венчании в церкви Олевисте. Жених не возражал. Как ни банально, предсказуемо и тупо всё это звучит, но они провели вместе волшебную ночь, а на утро Аста исчезла. Димосфен был настолько наивен, что пытался связаться с родителями Асты и даже заявил о её исчезновении в милицию. Он не хотел верить, когда работники отеля и милиции объяснили ему, что Аста – если только её действительно звали Астой – «работает» в гостиницах Таллина не первый год, и что по сохранившимся у Димосфена фотографиям её опознали другие жертвы мошенничества. Обо всём этом и о многом другом Димосфен рассказывал мне уже в более привычной для себя манере – смущаясь и краснея. Потом долго молчал, прежде чем попросить о помощи: он подозревает, что болен, и нет ли среди моих знакомых специалиста-венеролога, чтобы он мог получить

частную конфиденциальную консультацию. У меня не было знакомых венерологов, впрочем, я ответил, что, возможно, смогу помочь, потому что, кажется, в моей конторе работает одна специалистка. Он спросил, действительно ли она хороший врач, и я пояснил, что она не совсем врач, но если правда всё, что о ней говорят, то она хорошо знает, к кому нужно обращаться. Так оно и вышло. Я устроил Димосфену встречу со своей сослуживицей, и это был последний раз, когда я его видел, потому что вскоре мне предстоял переезд в другую страну.

Через несколько лет я приехал повидаться с роднёй и уже на второй день отправился с визитом к Димосфену. Увы, в его квартире давно жили другие люди, да и они ничем не смогли мне помочь, поскольку квартира несколько раз переходила из рук в руки. Я позвонил Мишке, но он не знал ничего о Димосфене с момента своего переезда в Новгород. В справочном бюро меня тоже ничем не порадовали. Близких родственников у Паков, насколько я знал, не было, а если и были, то не в нашем городе. Я пытался что-то разведать у одноклассников, но никто не говорил ничего определённого. Из туманных слухов и отрывочных сведений постепенно сформировалась трагическая картина, впрочем, неизвестно, насколько она достоверна. Признаюсь, в моём представлении Димосфен никогда не вписывался в образ успешного предпринимателя. Он был слишком мягок, слишком бесхитростен, слишком наивен, чтобы успешно существовать в жёстком мире конкуренции, рэкеты и откатов. Судя по всему, бандиты сначала «отжали» у него магазин, а потом отобрали за долги квартиру. Было ещё несколько невнятных свидетельств, что будто бы уже после того, как он остался ни с чем, ему всё ещё угрожали. А потом он просто исчез. За несколько лет, прошедших с тех пор, его никто не видел и, скорее всего, его уже нет в живых. Вот и всё, что мне удалось разузнать. Я уезжал из родного города с тяжёлым чувством. Не только из-за Димосфена, но и из-за него тоже. Как могло случиться, что этот светлый, добрый и, в общем-то, отнюдь не глупый человек исчез без следа, не оставив после себя хотя бы надгробного камня? Почему для него самым ярким любовным переживанием стала связь с заразившей его гонореей Таллинской проституткой? Как могло случиться, что чьи-то чужие равнодушные руки, сминая и ломая пластилиновые скульптуры, сгребли их с полок и отправили в мусорный бак во время захвата квартиры? Как всё могло так закончиться?

Впрочем, около полугода назад у меня появилась слабая надежда. Через социальную сеть со мной неожиданно завязала переписку бывшая одноклассница – та самая Таня Кирюхина, под окнами которой наш вуайерист бродил с биноклем. Я спросил у неё, не знает ли она что-нибудь о Димосфене. Таня ответила, что видела Димосфена очень давно, но всё же, по моим расчётам, уже значительно позже, чем происходила история с магазином и квартирой. Таня сказала, что он подошёл к ней на автобусной остановке, и что он был грязен и похож на бомжа, и что она не захотела с ним разговаривать. Почему-то это известие принесло мне облегчение. Почему-то мне стало легче от мысли, что Димосфен, возможно, жив. Впрочем, я надеюсь, что его наивной и чистой душе сейчас хорошо, где бы она ни была, – хотя, конечно, странно слышать такие слова от человека, не верящего в существование душ. Вообще, чем старше я становлюсь, тем больше убеждаюсь в том, как плохо мы знаем сами себя. Например, совсем недавно я понял, что хотел бы жить в неподвижном мире – в таком, где не происходит ни личных трагедий, ни социальных катаклизмов, ни даже какого бы то ни было прогресса. В

таком, где такие мягкие и такие уязвимые пластилиновые статуэтки девушек в пёстрых платицах и обнимающегося с возлюбленной морячка в клёшах и тельняшке по-прежнему стоят на полках. Да и так ли уж далеко мы ушли от пластилина? Ведь сказал же некогда Гиясад-Дин Абу-л-Фатх Омар ибн Ибрахим, больше известный по прозвищу Хайям:

Дивлюсь тебе, гончар, что ты имеешь дух
Мять глину и давать ей сотни оплеух.
Ведь этот влажный прах трепещущей был плотью
Покуда жизненный огонь в нём не потух.